

Коленкур Арман де

Мемуары

Поход Наполеона в Россию

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А83

А83 **Арман де К.**
Мемуары: Поход Наполеона в Россию / Коленкур Арман де – М.: Книга по Требованию,
2023. – 379 с.

ISBN 978-5-519-89792-1

ISBN 978-5-519-89792-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

По возвращении в Париж он стал одним из восьми адъютантов первого консула, потом бригадным генералом. Консульский двор мало-помалу принимал вид императорского. Коленкур был назначен главным инспектором консульских конюшен. В это время ему пришлось принять участие в деле принца Энгиевского, который был захвачен французским отрядом на баденской территории, привезен во Францию, осужден военным судом и расстрелян во рву Венсенской крепости (1804). Этой казнью принца королевской крови Наполеон ответил на заговоры и покушения роялистов.

Участие Коленкура в этом деле выразилось в том, что он переслал французскую ноту баденскому правительству, задержал нескольких эмигрантов и распорядился препроводить дальше принца, арестованного генералом Орденом и доставленного в Страсбург на французскую территорию. Несмотря на все позднейшие уверения Коленкура в непричастности к расстрелу принца, роялисты всегда считали его одним из главных участников этого дела. Монархическое дворянство отшатнулось от него. Разрыв со старым дворянством еще более связал Коленкура с новым режимом и личностью Наполеона.

Первый консул стал императором, организовал двор. Исполнительный Коленкур становится обер-шталмейстером императорского двора. Этикет определял до мелочей его придворные обязанности: кроме заведывания императорской конюшней и службой связи, он должен был непосредственно находиться при императоре, ехать рядом с ним, ставить ему кресло за обедом и отодвигать после обеда, поддерживать его справа, когда тот садился на лошадь или в коляску, подавать ему вожжи или левое стремя и т. п.

В 1805 г. Коленкур был уже дивизионным генералом и в течение двух лет получил все степени ордена почетного легиона. К Наполеону он был очень привязан, преклонялся перед его гениальностью, безусловно подчинялся ему, но сохранял в разговоре независимость старого слуги, который прямо и откровенно высказывает свое мнение повелителю. Наполеон высоко ценил его: в своих воспоминаниях на острове св. Елены он называет Коленкура «искренним и прямым человеком» (*«l'homme de coeur et de droiture»*).

Блестящий придворный, Коленкур окружил Наполеона неустанной заботой, своим телом однажды заслонил его от упавшей поблизости бомбы. Наполеон совершенно подчинил своей воле даже личную жизнь Коленкура. Он запретил ему жениться на любимой женщине, г-же де Канизе, которая разошлась с мужем. Сторонник патриархального буржуазного брака, он терпеть не мог «разводок». Адриенна де Канизе, бывшая фрейлиной сперва Жозефины, потом Марии-Луизы, должна была покинуть двор. Лишь после своего отречения в момент отъезда из Фонтенбло Наполеон разрешил Коленкуру жениться.

Наполеон прекрасно видел все достоинства и недостатки Коленкура. Для него он необходим был как соответствующее лицо для выполнения дипломатических поручений, и по его воле бывший боевой офицер и обер-шталмейстер делается послом. В 1807 г. он отправляет Коленкура послом в Россию, где тот и остается до 1811 г.

Коленкур был благосклонно принят Александром I. Но высшая знать встретила хмуро и неприязненно участника венсенского дела — «убийцу». Коленкур решил предъявить документы, оправдывающие его, самому Александру. Тот, сам участник убийства своего отца, был крайне польщен своим положением верховного третейского судьи в этом деле, оправдал Коленкура, и двери петербургских салонов широко открылись для французского посла. Коленкур особенное внимание обратил на то, чтобы достойным образом представлять при русском дворе своего императора как повелителя самой могущественной державы в мире: он требовал и получал первое место в кортеже послов, выше австрийского посла (на том основании, что австрийский император принял свой титул позже Наполеона), он задавал блестящие балы, для которых покупались редкие фрукты по баснословной цене (7 груш—700 рублей); его повар Тардиф был впоследствии воспет Пушкиным.

Александр I быстро понял характер Коленкура и сумел без труда обворожить и привязать его к себе: Коленкур был постоянным участником всех придворных балов, парадов, церемоний и интимных вечеринок. Обласканный российским императором, Коленкур был убежден в его доброте, честности, искренности. Коленкур до того был очарован Александром, что даже позволил себе давать ему военные советы во время русско-шведской войны, за что получил суровый выговор от Наполеона. Второй выговор последовал за то, что Коленкур не хотел принимать у себя агента французской разведки Вандернотте. Наполеон резко напомнил ему: «Вы в России и оставайтесь в ней французом». Но Коленкур был полезен, он сообщал ценные сведения о русской армии, русских вооружениях, и Наполеон осыпал Коленкура милостями: в 1808 г. он дал ему титул герцога Виченцкого.

Задача Коленкура была трудной: он должен был удержать Россию в рамках Тильзитского договора, обеспечить участие ее в континентальной блокаде. Хотя Россия и объявила войну Англии, но Наполеон не был уверен в своем союзнике. Между тем в оккупированной Испании вспыхнуло народное восстание, французский корпус Дюпона капитулировал при Байлене. Наполеон сам собирался отправиться в Испанию, позиция Австрии внушала опасения. Чтобы согласовать политику обеих империй, решено было устроить свидание в Эрфурте (1808).

Коленкур не играл в Эрфурте значительной роли, он был лишь консультантом и советчиком. Он решительно защищал политику

добрых отношений с Россией и точного соблюдения условий Тильзитского договора. Во Франции стала складываться новая земельная знать, которая была против широких завоевательных планов Наполеона. Эта знать, созданная империей, хотела мирно наслаждаться своими богатствами и доходами с тех земель, которые пожаловал ей Наполеон во Франции и в европейских владениях; она с неудовольствием и страхом смотрела на честолюбивые замыслы Наполеона, боялась потери своего положения. Некоторые уже начали «перестраховку», как, например, Талейран и Фуше, тайно сближаясь с врагами Наполеона. Коленкур, который владел землями во Франции, солидными рентами в Парме, Вестфалии, Берге, Ганновере, принадлежал к этой знати. Он энергично защищал перед Наполеоном союз с Россией, уверявший в искренности своего «друга» Александра. Эрфуртское свидание лишь отсрочило разрыв с Россией, к которому неизбежно вела континентальная блокада и завоевательная политика Наполеона.

Россия по уговору с Наполеоном начала войну со Швецией, король которой Густав IV был в союзе с Англией. Завоевание Финляндии стратегически ограждало Петербург на севере, но обещанная России в Тильзите «свобода рук» на Балканском полуострове встречала тайное противодействие французской дипломатии.

Уже в Эрфурте Наполеон понял, что Россия не будет рабской исполнительницей его воли. Александр, прекрасно учитывавший, какую угрозу представляет для наполеоновской империи восстание испанского народа, слабо поддерживал своего союзника во время австрийской кампании 1809 г., выжидая, чем она кончится. После этого охлаждение все более и более увеличивалось. Нарастание конфликта изображено в беседах Коленкура с Наполеоном (глава I). Образование великого герцогства Варшавского, присоединение к нему Галиции, фактическая оккупация Пруссии французскими войсками создавали постоянную угрозу России. Наполеон отказался подписать конвенцию о Польше. Присоединением Голландии к Франции, аннексией Гамбурга, Бремена, Любека, герцогства Ольденбургского, принадлежавшего родственнику Александра, Наполеон стремился обеспечить себе тыл. Соглашение о закупке в России лесных материалов для французского флота, о постройке в Архангельске кораблей для Франции осталось на бумаге. Попытка укрепить разваливавшийся союз браком Наполеона с сестрой Александра Анной Павловной не привела ни к чему. Оба союзника упрекали друг друга в нарушении Тильзитского договора, в несоблюдении континентальной блокады.

Коленкур мало-помалу убеждается, что Наполеон пользуется им как своего рода дипломатическим «заслоном» при петербургском дворе, в то же время он видел признаки явного охлаждения к нему этого двора. Догадываясь, что он является марионеткой в руках Наполеона, Коленкур настойчиво просит отставки и,

наконец, получает ее в феврале 1811 г. По приезде в Париж Коленкур вернулся к своим обязанностям обер-шталмейстера.

Новый русский таможенный тариф 1811 г., ударивший по французскому экспорту, был предвестником открытого разрыва. «Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика была сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые сношения с Англией были втихомолку возобновлены; тильзитские условия были нарушены, и разразилась война 1812 г.»¹.

В течение всей войны Коленкур неотлучно находился при Наполеоне; он пунктуально вел дневник. Дипломатическая служба приучила его собирать материалы, документы, делать заметки. Так сложился мемуарист, обработавший впоследствии свои воспоминания.

Он неотлучно сопровождал Наполеона в походе 1812 г. и во время отступления, а когда Наполеон покинул разложившуюся армию, был его неизменным спутником и собеседником до самого возвращения в Париж. Во время походов 1813—1814 гг. Коленкур по настоянию Наполеона был его уполномоченным на конференциях с союзниками и на конгрессе в Праге. Он не мог не сознавать, что играет роль отнюдь не полномочного представителя, но с упорством отчаяния боролся за мир, который должен был спасти шатавшуюся империю и его собственную карьеру и состояние. Назначенный с 20 ноября 1813 г. министром иностранных дел, Коленкур на конгрессе в Шатильоне тщетно пытался достигнуть какого-либо соглашения с коалицией.

Когда Наполеон отрекся от трона, Коленкур был одним из немногих, которые остались до конца верны ему. Он был с ним в ту ночь, когда Наполеон в Фонтенбло принял яд, который носил всегда при себе после того, как чуть было не попал в руки казаков под Городней во время отступления из России. Когда Наполеон уехал на Эльбу, Коленкур женился на давно любимой им Адриенне де Канизи. Во время первой реставрации он познал злобу вернувшихся роялистов, ненавидевших участника венсенского дела. Лишь благодаря Александру I он спас свои родовые имения.

Во время «ста дней» он примкнул к вернувшемуся Наполеону и против воли, подчиняясь настоянию Наполеона, принял пост министра иностранных дел. Но все усилия возобновить отношения с европейскими державами оказались напрасными. После Ватерлоо он был вместе с Карно и Фуше избран в состав пятерки временного правительства. Интриган Фуше ловко провел своих товарищей: заставил их выбрать его председателем временного правительства и своим письмом к Людовику XVIII, опубликованным без их ведома в «Монитере», устранил последние препятствия для второй реставрации. Коленкур уходит после этого в частную жизнь, посвящая последние годы реабилитации

¹ *Энгельс*, Внешняя политика русского царизма. Сочинения *Маркса и Энгельса*, т. XVI, ч. 2-я, стр. 20.

ей в деле убийства принца Энгийенского и составлению меморандов. Умер он 19 февраля 1827 г.

Коленкур долго работал над своими мемуарами. Он хотел подарить их сыну Наполеона. Впервые они были изданы анонимно в 1933 г. в трех томах («Посольство в СПБурге и русская кампания», т. I, II; «Агония в Фонтенбло», т. III)¹. В настоящем русском переводе выходят с некоторыми сокращениями первые два тома.

Коленкур рассказывает безыскусственным, но тяжеловатым тоном; структура рассказа не всегда выдержана, вставки зачастую нарушают общую нить, иногда рассказ забегают вперед, тому же он пристрастен. Коленкур впадает в патетический патристический тон, описывая действия французских войск, — французская доблесть для него неизменна и выше всяких похвал. Французы должны всегда побеждать, поражения они терпят вследствие несчастной случайности. Победу русских он старается замолчать или преуменьшить. Так, например, он правильно освещает героические арьергардные бои под Красным, Салтановкой, под Смоленском, бой за Шевардинский редут, неправильно освещает сражение при Малоярославце, черпочно излагает ход сражения при Вязьме (где 1-й корпус обильно участвовал в бегстве), Дорогобуже, Духовщине, под Красным — 16 ноября). С явной симпатией относится Коленкур к Тарану, не подозревая в нем обмана и измены. Коленкур убежден, что войну можно было предотвратить, оставшись верными «великой идее Тильзита». Станным образом не понимает Коленкур того, что «великая идея Тильзита» обрекала Россию на полное порабощение интересам Франции, создавала острый политический и финансовый кризис, хотя он сам в первой книге приводит многочисленные факты, иллюстрирующие этот кризис и неизбежность разрыва.

Коленкур описывает то, что видит, хотя смотрит он на события глазами наполеоновской свиты. Находясь вблизи императора, Коленкур много знал о нем, знал из первых рук о том, что доносили Наполеону, что говорили придворные, штабные, адъютанты, но он не видел и не знал, что чувствуют простые солдаты, ординарный офицер его армии. Их чувства Коленкур не постигал, впадал в тот трафаретный шаблон, который был создан Наполеоном в его бюллетенях и воспринят окружавшей его военной элитой, — в напыщенный, слащавый образ храброго солдата, который безропотно терпит все лишения, бьется и умирает за императора, благоговейно пред ним, предан своим командирам, готов делиться с ними последней каплей похлебки, последним куском хлеба. Прикованный к особе императора своим рангом, ротмистр и Бородинский бой наблюдал из Шевардинского редута. Рассказывает он о Бородинском сражении в об-

¹ Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'Empereur, t. I, II. L'ambassade de Saint-Petersbourg et la campagne de Russie, t. III. L'agonie de Fontainebleau. P. 1933

ших чертах и, при всем своем пристрастии к французской армии, отдает должное героической стойкости и отваге русской армии, но не сообщает о диверсии Платова и Уварова, угрожавшей тылу Наполеона и, несомненно, повлиявшей на исход сражения, не говорит и о том, что Наполеон после сражения отодвинул войска за Колочу, очистив занятые во время сражения опорные пункты русской армии. Шествуя в передних рядах отступавшей армии, попивая кло-вужо и шамбертен, вместе с императором обеспеченный пищей и питьем, он, правда, видел разложение «великой армии», но не заметил тех ужасов, которые сопровождали ее отступление.

О походе 1812 г. много писали участники и очевидцы; но воспоминания Коленкура при всех оговорках сохраняют свою историческую ценность. Он занес немало интересных фактов и наблюдений в свою записную книжку. Он не может скрыть того, что уже до Москвы началась дезорганизация французской армии, что французская интервенция вызвала народную войну, что русская армия оказывала героическое сопротивление вторгшемуся завоевателю.

Мемуары — своеобразный путеводитель похода, почти дневник: день за днем описывает Коленкур продвижение армии, крушение стратегического плана Наполеона, полную неудачу его тактики, рассчитанной на быстрые, молниеносные удары, колебания и тревоги Наполеона, сражение при Бородине, занятие Москвы, ее пожар, трагедию отступления «великой армии» и бегство Наполеона в Париж. Еще до похода Коленкур, горячий сторонник союза с Россией, предостерегал Наполеона, указывая трудности, связанные с походом в Россию, но настоящие причины поражения остались ему неизвестны. Как и его повелитель, Коленкур не мог понять, что главной причиной неудачи похода была народная война, о партизанском движении крестьян говорится только вскользь, мимоходом. Не понял он и гениальной тактики великого русского полководца Кутузова.

Неразлучный спутник Наполеона, Коленкур, разумеется, больше всего места уделяет ему. Любопытны его беседы с Наполеоном: он был единственным неизменным конфиденнтом и собеседником Наполеона во время возвращения в Париж, после того как тот в Сморгони покинул гибнущую армию. Интересны суждения Наполеона об европейской политической конъюнктуре, объяснение им своей политики, его план завоевания Индии. Личность Наполеона вырисовывается в этих беседах довольно отчетливо: проницательность, умение узнавать людей, твердая воля и неустранимая самоуверенность и, наконец, непомерный, чудовищный эгоизм, безграничное самомнение. Наполеон, создавший «буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии»¹, не понимал ни

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, 1937, стр. 10.

танской, ни русской народной войны. Наполеон презирал восставший против него героический испанский народ («разбойники», «контрабандисты», «дикари»), презирал русских «дикарей», являлся русской «жакерии» и, конечно, не мог и не хотел освободить русское крестьянство, чего так боялись российские дворяне. Это подтверждается сообщением Коленкура о неудачной попытке «некоторых лиц из народа и из немецких ремесленников» (Коленкур считал, по видимому, лишним записать имена и фамилии этих «плебеев»!) склонить Наполеона к освобождению русских крестьян. Мало того, французско-польская администрация в Белоруссии по просьбе помещиков посылала карательные экспедиции для подавления крестьянских восстаний. Таким образом, Наполеон и его армия предстали перед русским крестьянством как насильники и разорители, несшие с собой новое иго. Именно насилью русский народ дал решительный отпор. Война 12 г. превратилась в народную, национально-освободительную, окончилась полным поражением интервентов. Наполеон до своей смерти не мог понять причины своего поражения. Он не видел главного: войну с ним вел великий русский народ, который победить нельзя.

Полным поражением для фашистских захватчиков закончится нынешняя война, которую наш народ ведет с озверелыми палачами, посягающими на его свободу и честь.

Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков есть народная, освободительная война. Как и 130 лет тому назад, но еще более сплоченный и единый в борьбе за свою свободу и честь, наш великий народ героически отстаивает честь и независимость своей родины.

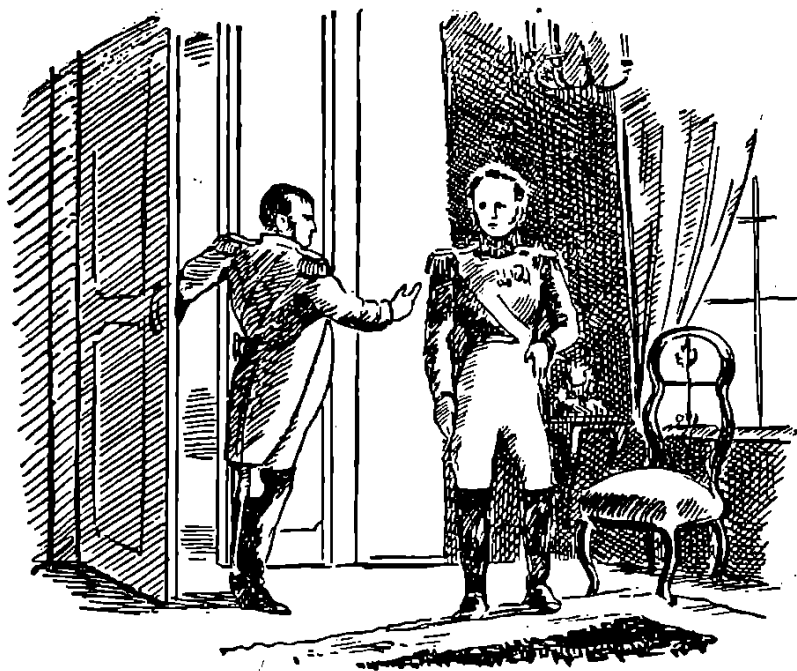
Картины уничтожения и гибели наполеоновской армии, рисованные Коленкуром, тем более ценны, что они исходят от лица, близкого к Наполеону и преданного ему.

Воспоминания Коленкура представляют исторический интерес. События, описываемые в них, являются историческим уроком для всех тех, кто возымел безумное намерение поработить великий русский народ.

Знаменитый партизан 1812 года Денис Давыдов некогда писал:

«Еще Россия не поднималась во весь исполинский рост свой. Горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется!»¹ Пророчество Денисова сбылось полностью уже во время гражданской войны 1918—1920 гг. Оно сбывается и сейчас во время Великой Отечественной войны против фашистского зверья. Весь русский народ поднялся весь, как один человек, против обнаглевшего врага в великой борьбе за святую родину, беспощадно уничтожая его грабительские орды.

Проф. А. Васютинский.

Глава I. ПОСОЛЬСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Предварительные замечания. — Вопрос о назначении Коленкура послом в Санкт-Петербург. — Коленкур отказывается. — Настояния Наполеона. — Коленкур назначен послом. — Эрфурт. — Разговор Наполеона с Коленкуром: германские и испанские дела, Польша, Австрия. — Эрфуртский конгресс. — Его цель. — Взаимоотношения между двумя императорами. — Зондирование почвы по вопросу о браке Наполеона с русской великой княжной. — Возвращение Коленкура в Санкт-Петербург. — Просьба об отставке. — Отставка и возвращение во Францию. — Разговор с императором: Россия, Александр, угроза войны, Польша, Ольденбургское дело. — Коленкур в немилости у императора.

События, происходившие в Европе между 1807 и 1812 гг., имели огромное влияние на события, последовавшие за ними, ибо они отдали в руки России ключ к решению европейских судеб; я счел поэтому полезным сохранить касающиеся различных фактов заметки, которые я делал в то время.

Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчет в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. Но потом эти заметки показались мне материалами, дающими необходимое дополнение к официальной части моей посольской корреспонденции и, может быть, даже к истории этой великой эпохи, ибо все, что относится к России, имеет для этой истории существенное значе-

ние, так как Россия в мировых делах занимала тогда первое место после Франции.

Моя цель будет достигнута, если эти заметки помогут также понять характер и политические взгляды императора Наполеона.

Мне думается, что его слова, его суждения, его размышления и даже его ошибки должны быть для его сына¹ лучшим руководством, а для публики — единственным достойным этого великого человека объяснением тех событий, которые она обсуждает и критикует, не зная их, но почти всегда несправедливо и недоброжелательно по отношению к великим заслугам тех, кому изменило счастье.

Конечно, читатели часто заметят, что энергичные выражения императора ускользнули из моей памяти, но те, которые знали его ближе, найдут, надеюсь, в моих записках знакомые им мысли императора и убедятся в неизменной добросовестности этих записок.

Перо человека, ведущего дневник, несомненно, не в состоянии справиться с такой темой, но намерение сохранить вместе с воспоминаниями о великих делах драгоценные материалы для истории должно снискать автору снисхождение читателя. Я до такой степени боялся быть льстецом, и мои взгляды в такой мере побуждали меня порицать политический курс и политические мероприятия той эпохи, что многие мои суждения, казавшиеся мне тогда беспристрастными, часто теперь кажутся мне скорее суровой критикой, чем рассказом дружественного повествователя. Тем не менее я с полной откровенностью передаю свои впечатления в том виде, какими они были тогда, предпочитая лучше подвергнуться нападкам, чем быть заподозренным в том, что я изменил записи, сделанные в эпоху, когда совершались эти события.

Я писал свои заметки всюду: в кабинете, на бивуаке, в любой день, в любой момент; они рождались во всякие мгновения. Я ничего не прикрашивал, ничего не замаскировывал, ибо хотя император проявлял порою человеческие слабости, тем не менее в нем чаще видели полубога. Я не раз говорил себе, что этот дневник, который я писал на глазах у императора, мог бы попасть в его руки, но это соображение не останавливало моего пера. Это — ответ тем, кто утверждал, будто в царствование Наполеона нельзя было ни думать, ни говорить, ни писать и что правдивость вызывала его непримиримую вражду. Нет спора, правдивость лишала человека благосклонности императора, но, обладая возвышенным и твердым характером, он допускал всякую добросовестную критику, и так как мои записки представляют лишь правдивое повторение того, что я говорил ему на словах, то я был уверен, что он не посмотрит на них, как на прегрешение, если только при опубликовании я не придам им характера упрека его политике и его славе.

В этом дневнике имеются и некоторые подробности, относящиеся ко времени, предшествовавшему моему пребыванию в

Санкт-Петербурге; все они были записаны в то время, когда происходили соответствующие события. Если не все они представляют действительный интерес, то, во всяком случае, они все отличаются точностью. Многие из них показались мне необходимыми для того, чтобы объяснить различные обстоятельства моей карьеры государственного деятеля.

В жизни людей, обремененных общественными делами, как и в ходе самих событий, все связано друг с другом, все сцепляется звено со звеном и сливается с историей. Подробности необходимы, потому что они часто объясняют те обстоятельства, из которых рождались события. В силу простой необходимости мне приходится поэтому говорить и о самом себе. Так как Эрфуртский конгресс происходил в то время, когда я был послом в России, то я счел, что рассказ о нем составляет необходимую часть рассказа о моем посольстве. Записи, которые я с шепетильной точностью вел после приезда императора в Дрезден в 1812 г. и вплоть до его возвращения в Париж после похода в Россию, точно так же показались мне необходимым дополнением к первой части моих записок.

Если когда-нибудь читатель увидит эти страницы и найдет меня строгим, то я надеюсь, что при оценке моих записок он учтет те события, под влиянием которых я их набрасывал.

Многое пришлось, впрочем, вычеркнуть, так как если я и стремился быть правдивым и точным, то я прежде всего старался никому не повредить.

Все, что говорил император, я записывал словно под его диктовку, и легко видеть, что этот дневник является только наброском. В тех случаях, когда император кого-либо порицал, я привожу только те его слова, которые безусловно необходимы для исторической правды и для того, чтобы оттенить ценность его похвал.

* * *

Начиная с Тильзита², император хотел назначить меня послом в Россию. Лишь после моего второго отказа в Кенигсберге в Петербург был послан генерал Савари³, который тотчас же отправился туда на время, пока не будет назначен посол⁴. Я хотел в то время найти какой-нибудь повод, чтобы выйти в отставку и жениться⁵. Император, думая, что меня легче будет уговорить после моего возвращения в Париж, когда я увидаю моих друзей, которых он считал причиной моего отказа, несколько раз вновь говорил со мной об этом посольстве, но мое решение оставалось неизменным. Я даже не скрывал от генерала Дюрока⁶, которому император поручил уговорить меня, мое желание покинуть службу и отдохнуть. Дюрок в конце концов сказал мне, что его величество требует, чтобы я принял это посольство хотя бы на шесть месяцев; он говорил, что это — единственное средство осуществить мой брачный проект; мое отсутствие уладит все; император даст свое согла-